

Наконец, говоря о либерализме взглядов Т.Моммзена, все же нельзя забывать, что он представляет немецкую мысль, проникнутую духом гегельянства. Поэтому его либерализм неотделим от немецкого государственничества. Ученый с одобрением говорит: «Сущность же римского духа выражалась в том, что он держал сына в страхе перед отцом, гражданина — в страхе перед его повелителем, а всех их — в страхе перед богом; он ничего не требовал и ничего не уважал, кроме полезной деятельности, и заставляя каждого гражданина наполнять каждое мгновение короткой жизни неусыпным трудом... Для него государство было все, а расширение государства было единственным незапретным высоким стремлением» (Т.1, С.41).

Таким образом, чаяния немецких либералов кануна объединения страны «железом и кровью» нашли подтверждение и, в силу авторитета Т.Моммзена, санкцию в его основном труде. Противоречивость этих программных установок очевидна. Однако это не отменяет того обстоятельства, что выдающийся труд явился также примером актуализации антиковедческого знания в целях насущных поисков решения масштабной задачи, стоявшей перед Германией в середине XIX в. Эта задача не ограничивалась простым объединением страны. Одновременно должно было стать укоренение в Германии либеральных принципов общественного бытия. Германия должна была стать правовым государством, основывающимся вместе с тем на ценностях немецкого национального духа.

1. Лисовий И.А., Ревяко К.А. Англичнiй мир в термінах, іменах і названнях. Мн., 1997—С.147.

2. Дунявельтов А.К. Теодор Моммзен как историк и политик // Вестник Европы — 1904 — №10 — С.630.

3. Там же. С.636.

## ЭРНСТ ТРЕЛЬЧ: ДУХОВНЫЕ ОСНОВАНИЯ НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Г.А. Милаш

г. Мозырь, МГПУ

Имя Эрнста Трельча (1865 — 1923), выдающегося немецкого философа и теолога, автора трудов по социологии религии и философии истории, уже прочно вошло в анналы культурологической мысли. В 1916 году им была написана статья «Метафизический и религиозный дух немецкой культуры». На русском языке эта работа была опубликована лишь в 1995 году.

В разгар первой мировой войны Э. Трельч обращается к тому духовному фундаменту, на котором основывается немецкая культура, а именно — к его метафизической и религиозной сущности. Он отмечает: «Немцы по своей природе метафизики и мыслители, стремящиеся изнутри, из духовной глубины универсума понять сущность мира и вещей, людей и судеб» [1, 542]. Эта черта представляется ему исключительной особенностью и «последней тайной жизни» немцев.

Автор статьи противопоставляет немецкую ментальность английской и французской. В отличие от англичан, немцы в меньшей степени ограничивают свой духовный мир чувств семьей и родиной. Их духовный мир распространяется на все их видение жизни и мира, реализуется в искусстве, поэзии, во всевозможных суждениях о людях. К наиболее верным выразителям духа немецкого народа Э. Трельч относит Жана Поля Адальберта Штифтера, Вильгельма Раабе, Фрица Рейтера, Виллибальда Алексиса. Сравнивая их менталитет и духовный мир Джорджа Элиота, Диккенса, Золя, философ приходит к выводам о разнице в характере народов. Это различие распространяется и на религию. Религиозность немецкого духа, по мнению Трельча, занимает первое место в немецком характере. Такие, казалось бы, взаимоисключающие черты, как склонность к порядку и душевность, на самом деле проистекают из одного общего источника, в котором они образуют внутреннее единство — это немецкий метафизико-религиозный дух. Однако немецкая склонность к порядку, основана не на пользе в достижении материальных и социальных целей, она формируется вместе с чувством долга из «идеального представления о сущности духа, упорядоченности и закона, как в жизни человека, так и в универсуме» [1, 542].

Э. Трельч подчеркивает, что в основе государственного управления и хозяйства Германии лежит особенная склонность к порядку, строгой дисциплине и чувству

серьёзной ответственности. «Порядок и долг, солидарность и дисциплина», — таков лозунг нации. По замечанию одного итальянского мыслителя, немецкая методичность разработана настолько, что делает гений излишним. Педантизм немцев давно уже стал «прищипкой во языках». Для подтверждения этой особенности немецкого характера, бросающейся в глаза иностранцам, Трёльч цитирует выдержку из русской газеты: «У немца на протяжении всей его жизни есть только одна цель. Поэтому быть немцем идентично бесконечной скуке» [1, 540]. Такой взгляд он считает слишком односторонним, ибо в своих основаниях немецкая пунктуальность и скрупулезность имеет глубокие духовные корни и традиции. Склонность к порядку, по Трёльчу, уравновешивается чрезвычайной тонкостью эмоциональной и душевной жизни, ее глубиной, тесными семейными узами и любовью к Родине, лучшим символом чего служит в Германии праздник Рождества. Даже там, где дух немецкой поэзии и литературы «возвышается до всеобщей гуманности и величия», всё-таки присутствует такая основная черта народа, как проявление детской непосредственности, которую можно обнаружить у таких великих творцов, как Гёте, Бах, Бетховен.

Идея государственности в Германии всегда больше связывалась с Платоном, Лютером и Гегелем, чем с французским идеалом государства и общества. Э. Трёльч сетует на то, что вторгшийся в Германию капитализм и политизирование в значительной мере надломил и даже сломил старый немецкий идеализм, но при этом всё-таки подверглись его основной установке. Известная немецкая способность к созданию организации и организованности, в том числе и в военном деле, связана с немецким идеализмом, который основан на том, что «исконно привычный религиозный и этический образ мыслей ведёт к необходимости занять своё место в индивидуальном целом» [1, 543]. Этим немцы, по мнению Трёльча, отличаются по своему мироощущению от других западных народов чисто «либерально-индивидуалистического» капитализма.

Затрапывая вопрос о специфике новой немецкой политики, которую привыкли именовать «политикой Бисмарка», Трёльч склонен думать, что несмотря на то, что она действительно являлась по своей сути политикой силы, свободной от каких-либо принципов, по своим целям отнюдь не была таковой. Цели её были определены и ограничены немецкими идеями и ценностями. Весь немецкий мир с завидным рвением занялся вопросом отношения между идеей и силой, между моралью и политикой. И здесь немцы остались прежними, несмотря на радикально изменившиеся внешние условия. Они остались метафизиками в «мировой борьбе и в практической деятельности». Трёльч пишет: «Инстинкт не обманывает немецкий народ, когда он всё время сопоставляет Бисмарка с такими как будто совершенно иными фигурами, как Лютер и Гёте, и ищет свою силу именно в соединении — правда, ещё очень негармоничном — идеализма и чувства фактической реальности. В сущности оба эти свойства постоянно ищут друг друга. Немцы — труженики идеи и мыслители труда» [1, 544].

Констатируя факт переизбытка реализма в духовной жизни немцев, философ замечает, что если немецкий идеалистический дух не может проникнуть в него, то «решительно ему противопоставит». По сути, формируется новый вид немецкого идеализма, который, склоняясь к социально-идеалистической направленности, твёрдо противостоит всем проявлениям хозяйственно-государственного духа полезности. Однако автор не соглашается с утверждением Романа Роллана о существовавшей ранее идеалистической и сегодняшней, реалистической Германии. Такое деление, по его мнению, невозможно.

Трёльч обращает внимание также и на немецкую историческую науку, которая испытала на себе влияние философии. Немецкая историческая наука охватывает большой спектр развития языков, искусства, религии, политики и экономики. В этом смысле она расширяла свой диапазон от чисто политического до широкого культурно-исторического. Этот тезис даёт основания Трёльчу говорить, что в области исторического мышления Германия XIX века играла главенствующую роль.

Особое внимание мыслитель уделяет характерным особенностям немецкой философии, которая, несомненно, являлась составной частью всех направлений европейского мышления. В своей основе именно философия выражала и сохраняла немецкий метафизический дух. Немецкая философия, созданная Лейбницем и Кантом, воздействовала на немецкую классическую литературу, поэзию, заложила основы немецкого идеализма. Она сохранила более тесную связь с религиозной жизнью народа, в отличие от «практически-утилитарной» английской и французской философии.

«Немецкая философия, — пишет Трёльч, — <это> свободный автономный идеализм» [1, 548]. В ней все устремления немецкого народа связаны с духом. Дух Канта и Фихте до сих пор характеризует немецкий национальный характер. И совершенно бесспорны попытки обвинения в якобы существующей в немецкой философии идее насилия, национализма и шовинизма. «Изда различий в наших философиях, — реагирует Трёльч, — не стоило воевать» [1, 549].

Последнее, на чём автор статьи делает скрупулёзный акцент, — это вопрос о немецкой идее свободы, которая в своей сущности также отличается от французской и английской.

Французская идея свободы основана на идее равенства всех граждан по их вкладу в построение общей воли. Английская идея свободы, напротив, означает независимость индивидуума от государства, самоконтроль и господство личности. Такая форма идеи свободы в Англии контролирует государственную власть посредством общественного мнения. Английская идея — это совпадение интересов неприкосновенной личности с интересами государства. Но немецкая идея, по мнению Трёльча, по своим корням иная. В ней метафизически-религиозный дух своеобразно сочетается с политическими потребностями молодого немецкого государства. После длительного подчинения немецкий народ ощутил свободу в духовной области. Немецкая свобода в той мере, в которой она означает независимость индивидуума, возникла в кантовском понимании как свобода автономного долга и сохранилась в такой форме по сей день. Немецкая свобода, по Трёльчу, не несёт в себе чисто политического характера, она всегда сохраняет связь с «идеалистической идеей долга и романтической идеей индивидуальности» [1, 554].

Э. Трёльч указывает на ещё одно существенное отличие немецкой идеи свободы в сравнении с французской и английской. Если во французской идее свободы присутствует рациональное принуждение требовать от всех людей её признания в качестве научно-обоснованной и единственно возможной, а в английской устанавливается диктат морального принуждения государственных институтов, то в немецкой идее свободы эти черты напрочь отсутствуют. Немецкая идея не стремится к мировому господству, она означает сосуществование всех свободных в своей индивидуальности народов. Исходя из такой трактовки идеи свободы, Трёльч полагает, что именно немецкий народ борется за подлинный прогресс человечества, за такой прогресс, «который никому не будет насильственно подчинять своей власти и предоставит каждому свободу» [1, 555].

Статья Э. Трёльча «Метафизический и религиозный дух немецкой культуры» явилась своеобразной рефлексией духа немецкой культуры. Автор, обеспокоенный судьбой своего Отечества, по-видимому, предвидел результат той грандиозной катастрофы, в пучину которой был ввергнут немецкий народ. Философ в определённой степени стремился «реабилитировать» немецкую нацию в глазах интеллектуальной элиты Европы и мировой общественности в целом, подчёркивая при этом гуманизм и поликультурный центризм, лежащие в основе немецкой культуры.

1. Культурология. XX век: Антология — М.: Юрист, 1995. — 703 с.

2. Всемирная энциклопедия: Философия XX века / Главн. науч. ред. и сост.

3. А.А. Грицанов. — М.: АСТ, Мн: Харвест, Современный литератор, 2002. — 976 с.

## ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: НЕОЛОГИЗМЫ, ВОЗНИКШИЕ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ В СВЯЗИ С ЕГО ПЯВЛЕНИЕМ

Лакотко Ж.П.

г. Мозырь, МГТУ

Входя в новое тысячелетие, человек невольно оглядывается на уходящее в историю время, подводит итоги и намечает перспективы. Это относится и к оценке тех изменений, которые произошли в словарном составе современного немецкого языка. Процесс обновления в лексике происходит постоянно, но есть времена, когда он особенно интенсивен. Таким периодом в истории лексики немецкого языка стала вторая